

Леониды

16+

Виталий Марко

Виталий Марко

ЛЕОНИДЫ

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Виталий Марко

ЛЕОНИДЫ / Виталий Марко — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Это история любви глазами мужчины. Любви, неожиданно ярко вспыхнувшей, но вскоре угасшей, как сияние потока леонидов, пронзившего атмосферу Земли. Без видимых причин. Без ссор и обид. Без объяснений и слез. Оставив больше вопросов, чем ответов. Прошли годы. У него и у нее своя жизнь. Между ними тысячи миль и паспорта разных государств. Казалось бы, все в прошлом. Но редкие соприкосновения их реальностей оставляют главному герою надежду, что между ними еще что-то есть. А значит, все еще может быть.

Содержание

Глава 1. Ключи	5
Глава 2. Мечты	7
Глава 3. Сомнения	9
Глава 4. Планета	12
Глава 5. Анестезия	13
Глава 6. Творец	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1. Ключи

Эту дверь я смог бы открыть даже с завязанными глазами. За то бессчётное число раз, которое я приходил сюда, радостный или печальный, подгоняемый ветром надежды или, напротив, едва переставляя ноги от усталости, необходимые манипуляции с замком стали почти инстинктивными. Они происходили как бы сами собой, не требуя осознания и сосредоточенности.

Часто я даже не мог уловить момент между моим желанием открыть эту дверь и мгновением, когда обнаруживал себя уже внутри, сидящем на привычном месте в просторной кухне, с пепельницей, заполненной выкуренными мною сигаретами, и чашкой остывшего кофе на столе.

Он не хотел, чтобы я звонил в эту дверь. Звонить – значит просить впустить тебя. А проситься в свой дом нельзя. Иначе этот дом какой угодно, но только не твой. В свой дом можно и нужно приходиться самому. Без спроса и приглашения, повинуюсь лишь внутреннему желанию. Поэтому с самого рождения у меня были собственные ключи от его дверей.

Он подарил мне их вместе с пелёнками, пинетками, бутылочками, сосками и ещё Бог весть каким младенческим багажом. Конечно, до поры до времени ни о каком самостоятельном открывании речь не шла. До тех пор, пока я не подрос и не смог дотягиваться до замка, эту дверь открывал мне он сам. Но обязательно именно моим ключом, доставаемым им из специального кармашка, пришитого на груди моей рубашечки, или, в зависимости от погоды, кармашка курточки или шубки.

Родители незлобиво ворчали на стариковскую причуду, считая этот ритуал излишне театральным. Мол, ребёнок, всё равно сейчас ничего не понимает и вряд ли что-то запомнит. Но он упрямо демонстрировал мне, что этот дом мой. И я запомнил. Правда, остальные детали этих встреч размылись в детском сознании. Что мы делали...? О чём говорили...? Во что играли...? Пожалуй, точно и не скажу. Просто счастливое и светлое время.

Теперь мы видимся значительно реже. Дела и заботы взрослого дяди, в которого я превратился, отнимают у меня свободу приходить сюда в любой момент. Иногда эта мелкозернистая ежедневная суэта кажется даже важнее или, как минимум, актуальнее встреч с ним. И лишь поздним вечером возвращаясь с работы, вымотанный и уставший, я понимаю, что больше всего на свете хотел бы сейчас оказаться здесь, на этой знакомой кухне.

Но что-то мешает мне, игнорируя разметку и наплевав на не способствующие моему порыву дорожные знаки, вывернуть руль и втопить, втопить педаль акселератора, направив авто по знакомому маршруту. Что-то мешает. Нет, не разметка и не знаки.

Радио в машине создает музыкальный фон моим мыслям. Пока доберусь, пока обратно. А завтра рано вставать. А переговоры назначены ещё неделю назад, и перенести их никак нельзя. Ладно, не сегодня. Может быть завтра. Ну или на днях. Он не обидится. Он поймет. Он же знает, как я люблю его. Просто не успеваю – дела, дела. Извини, старик, не сегодня.

Ещё пара светофоров – и я дома. Музыкальный час на радиоволне подошёл к концу, уступив на несколько минут эфирное время для короткого выпуска ни к чему не обязывающих новостей.

«...Необычайное по красоте зрелище множества падающих звёзд смогут наблюдать сегодня ночью жители нашего города. Метеорный поток, больше известный как поток леонидов, войдет в атмосферу Земли примерно в полночь. Своё название это явление получило в честь созвездия Льва, со стороны которого зрительно и приходят к нам эти космические гости. Никакой опасности звездопад не представляет, зато каждый, кто хоть иногда смотрит в ночное небо, получит возможность загадать своё самое сокровенное желание...»

Машину на паркинг, лифт на этаж. Другая дверь, другие ключи, другая кухня. Это тоже мой дом. Другой дом. В нём я живу между работой и работой. стакан чая с бутербродом. Разогреть ужин неохота. Сигарета перед сном. Спокойной ночи сам себе. Сон.

Глава 2. Мечты

На приём к нему записывались за многие месяцы. Некоторые были готовы ждать годами, пока им, наконец, представится возможность изменить его руками свою жизнь к лучшему. И то сказать – светило. Имя, которое знает весь мир. Кто, как не он, поможет реализовать самые сокровенные мечты? Мечты о счастливом себе. С такими руками, с таким талантом и опытом для него не было ничего невозможного. Хирург от Бога.

И ведь ждали же. Сколько надо, столько и ждали. Это только в поговорке «в чужом глазу соринку выискиваем, а в своём и бревна не замечаем». Тут всё было наоборот. На приём к нему, в основном, записывались те, кто и маленькую соринку, а часто просто мельчайший нюанс своей внешности воспринимал, как трагедию.

Вот уж воистину – «красота в глазах смотрящего». Миловидные, симпатичные, а зачастую даже очень красивые пациентки, со слезами на глазах, с искренней болью, доказывали ему своё несовершенство. Лишь иногда он, действительно, соглашался с ними, рукой мастера устраняя небольшие помарки гениального творения природы. Ну что ж, даже в небесной канцелярии иногда допускают ошибки в планировании. Этой немного недодали. Той, напротив, что-то дали с избытком. Но так бывало крайне редко. Зато чаще...

Чаще на приём к нему шли те, кто считал себя понимающими в красоте даже лучше самого Создателя. Нарисовав себе какой-то внутренний идеал, они страдали от расхождения этого образа и ежеутреннего отражения, видимого ими в зеркалах ванных комнат и маленьких косметичек.

Безобидные инструменты визажа спасали лишь на время. Рано или поздно женщина вновь видела себя такой, как она есть. Без корректирующих теней, карандашных подводок, растушёвок на скулах и тонирующего крема. Без изделий кутюрье, зрительно увеличивающих объёмы груди и бёдер, удлиняющих ноги и утончающих талию.

Обнажённая, один на один с идеалом в голове и отражением в зеркале... Как душа перед Богом. Тяжело выдерживать такое каждый день. И многие не выдерживали. Шли к нему.

Он внимательно выслушивал. Спрашивал, согласны ли с их критическими оценками собственной внешности родные и близкие им люди. Как правило, оказывалось, что их любимые мужчины, родители и друзья, напротив, изо всех сил убеждали ничего не менять. Говорили им, что они прекрасны и любимы именно такими, как есть. Но чем больше приводилось аргументов, тем настойчивее становилось их желание стать такой, какой хочется, а не такой, какой родилась.

Впрочем, наверняка были и те, кто прислушивался. Тогда они просто не приходили к нему на приём. Те же, кто переступал порог его кабинета, были настроены весьма решительно.

Тогда он предпринимал ещё одну попытку. Уже от своего лица. Ведь он не только хирург, врач, способный избавить тело от явного или мнимого недостатка. Он ещё и мужчина. Да, давно не молод. Но он ещё не разучился искренне восхищаться женской красотой. Той, которая ну никак не раскладывается в голове на отдельные носик, губки, глазки. Той, которая воспринимается лишь целиком, вместе с обликом, голосом, запахом, неуловимым движением плечика и случайным касанием руки. Той, которая, как бы это банально не звучало, неповторима и есть у каждой.

Он находил такие слова, от которых любая женщина, услышь она их в обычной жизни, почувствовала бы себя самой прекрасной и неотразимой, навсегда оставив свои комплексы и сомнения. Но, увы, эти разговоры проходили не в обычной жизни. Для сидящих напротив него бой уже начался. Они успели всё для себя решить и понять. Поэтому, несмотря на искреннюю попытку отговорить, сказанное им редко приводило к изменению их планов.

Когда и этот рубеж обороны оставался за спиной у наступающей решимости, между настойчиво идущей к своей цели пациенткой и холодным светом операционной оставался последний плацдарм. Правдивый и, быть может, излишне подробный рассказ о том, как будет проходить операция, и о том, что придётся вытерпеть после неё, прежде чем из-под белизны снимаемых бинтов покажется желанный идеал.

Глава 3. Сомнения

Так случилось и на этот раз. Перед ним, изредка промокая краешком салфетки уголки прекрасных серо-голубых глаз, сидела молодая симпатичная девушка. По возрасту уже не девочка-бутон, но женщина, раскрывшийся цветок в самом начале своего цветения.

Они разговаривали долго. И про её претензии к самой себе. И про то, что родители совсем не одобряют её визит в клинику, хотя и готовы взять на себя большую часть стоимости предстоящей операции.

И про то, что молодого человека и подруг, способных отговорить от намеченного шага, у неё нет. И о том, что именно её недостатки, так бросающиеся, по её убеждению, всем в глаза, сделали её жизнь такой одинокой и несчастной. Она пришла к нему изменить себя, чтобы через дарующий красоту скальпель хирурга стать достойной чьей-нибудь любви.

Она действительно верила в то, о чём говорила. И, похоже, выстрадала каждое слово. В уголках её глаз стояли слёзы, которые она пыталась незаметно промокнуть.

Видя наполненные горькой влагой серо-голубые глаза, он по-отечески пожалел её. Ну, надо же... «Что же вы сами так себя мучаете? – думал он. – Бедные, страдающие девочки, непонимающие своей истинной притягательности и красоты. Да сколько мужчин, наверное, сохнут по тебе, считая совершенством и даже в мечтах не осмеливаясь приблизиться к обожаемому идеалу. А идеал тем временем упорно расшатывает свою психику, по капле, изо дня в день, вгоняя себя в депрессию».

И одновременно ещё одна мысль. Совсем о другом. Наверное, они хорошо смотрелись бы вместе. Эта пациентка и его внук. Неожиданная мысль. Приятная мысль. Может, действительно, их познакомить? Деликатно, не в лоб, а как бы случайно устроить встречу. Он бы понравился ей. Да и она ему, пожалуй, тоже. Что-то, а про его вкусы и предпочтения по отношению к прекрасному полу доктор знал хорошо. Сколько всего было сказано-пересказано, обсуждено и проговорено на той самой кухне. Такая ему бы точно приглянулась. А там, как пойдёт. Не дети, сами разберутся. Может, и будут счастливы вместе.

– Нет, я не передумаю, доктор. Я всё решила.

Слёзы высохли. Голос уверенный, хоть и дрожит немного. Такая не отступит.

– Хорошо, – он поправил очки и взял в руки папку со стола. – Тогда я должен кое о чём предупредить вас. Проинформировать о некоторых деталях предстоящей операции. Считайте это вводным инструктажем. После чего вам нужно будет подписать вот это (на стол перед девушкой лег многостраничный бланк договора), и затем уже можно будет назначить время операции.

Девушка углубилась в изучение договора, а он тем временем продолжал:

– Вы, наверняка, долго готовились к этому визиту. Думали, сомневались, советовались. Узнавали мнение тех, кто уже проходил подобные хирургические вмешательства. И что же они вам рассказали?

– Они были счастливы. Они с таким восторгом отзывались о вас, доктор. С благодарностью. И самое главное, те, с кем я разговаривала, в один голос уверяли, что после операции у них начиналась совсем другая жизнь. Им как будто выдавался чистый лист бумаги, на котором вдруг начинали проявляться новые строчки. Строчки жизни намного более счастливой и радостной, чем та, которая была у них прежде. Доктор, я уверена... Я чувствую, что после операции меня ждёт что-то очень-очень хорошее.

– Конечно, вне всяких сомнений. А про саму операцию они что-нибудь вам рассказывали? Про болевые ощущения, например. Про неудобство первых недель и месяцев восстановления, когда всё тело как чужое – опухшее и не слушается, но при этом исправно болит и ноет.

– Нет. Про это мы не разговаривали. Да это и неважно. Я готова потерпеть боль. Любую боль. Да и что такое физическая боль на фоне той душевной, которую я переживаю каждый день, каждую минуту, зная, что я лучше, красивее той, которой родилась. Помогите мне, доктор, пожалуйста. Прошу вас.

– Не плачьте. Я помогу. Но вам, действительно, не всё рассказали. Правда в том, что операция – это лишь мала часть предстоящего вам испытания. Сама операция, конечно, будет проходить под наркозом. Но дальше, после операции... Современная анестезия в состоянии купировать и значительно более острые проявления боли, чем те, которые предстоят вам в послеоперационный период. Но, увы, при этом пациент в каком-то смысле перестает полностью быть собой. Значительную часть работы за него выполняют обезболивающие. Это допустимо, и даже желательно, в случае большинства других хирургических вмешательств. Но только не при операции, которую хотите пройти вы. Согласившись на внешнюю защиту от боли, которую дают новейшие препараты, вы утратите важнейшее право своей личности – право прочувствовать и прожить все этапы трансформации. Внутренне пройти путь от себя – до операции, к себе – после.

– А что же такого особенного в этой операции?

– Девочка моя, вы позволите мне так обращаться к вам? Я оперирую уже очень и очень давно. Через мои руки прошло столько людей, что приезжая в какой-нибудь незнакомый город или страну, я обязательно встречаю несколько своих бывших пациентов. Я не всегда помню их лица, а уж тем более – имена, но тела, которых коснулся мой скальпель, я запоминаю навсегда. Так вот, я не только оперирую, но и наблюдаю за тем, как проходит восстановление. Красота – это не просто определённые пропорции черт и линий вашего тела. Это, если можно так сказать, ключик, открывающий дверь к тому или иному типу человеческого счастья.

– И ключи к счастью бывают разными? – поделилась она своей догадкой.

– Разными. И красота бывает разной. Ведь вы красивы. Не когда-нибудь потом, после операции. Вы красивы сейчас. Но вы не осознаете себя таковой, потому что не чувствуете себя счастливой. Потому что ваш ключик открывает одну дверцу, а вам хочется того, что находится за другой. Вы пришли ко мне не внешность менять, но свою жизнь. Вы пришли, чтобы я сделал вас счастливой.

– Счастливой... – как эхо повторила девушка.

– А вот это намного сложнее, чем просто изменить форму носа, разрез глаз или увеличить грудь. Я наблюдал за пациентами и утверждаю. Те, кто спасался препаратами от боли, сопровождающей заживление после операции, как правило, не достигали своей цели. Они выпивались, полностью восстанавливались, дарили медсёстрам коробки конфет, а мне и моим коллегам дорожные коньяки... но спустя какое-то время приходили к нам вновь. Ещё более несчастными и растерянными, чем в первый раз.

– Почему?

– Они не успевали. Не успевали перейти из внутреннего состояния до операции к тому, кем становились после. Боль – это не просто защитная реакция организма. Это мощнейший энергетический толчок, сдвигающий тектонические плиты нашего сознания. Боль и радость. Страх. Любовь. Это импульсы для наших внутренних изменений. Полностью защитив вас от проживания этих эмоций, спрятав под защитой обезболивающих препаратов, я пойду против золотого правила гармонии. Правила единства формы и содержания. Внешнего и внутреннего... Сегодня вы пришли ко мне, потому что видите себя другой. Не такой, как ваше отражение в зеркале. Вы пришли, потому что в душе болит и кровоточит разлом между этим несоответствием. Мой скальпель поможет совместить лишь внешние признаки мечты и реальности. А вот то, что вы будете чувствовать после операции, будет помогать заживлению разлома в вашей душе. Без этого стать счастливой вы не сможете. Ни с этой, ни с новой внешностью, ни пройдя через десятки подобных операций. Подумайте.

– Это очень больно?

– Больно. Я лишь в самом начале помогу вам запастись силами, чтобы пройти этот путь. Но глубины наркоза надолго не хватит. И как только вы очнетесь от сна, вы будете ощущать всё, что происходит с вашим телом. И боль будет сильной. В каком-то смысле, вы станете страдать даже сильнее, чем ваше тело. Впрочем, теперь, когда вы всё знаете, ещё можно отказаться. Я дам вам телефон моих коллег, которые точно не станут мучить вас такими испытаниями. Они всё сделают профессионально, не сомневайтесь. Но я убеждён, что так они приносят больше вреда, чем пользы своим пациентам. Впрочем, я им не судья.

Она была в растерянности. Зачем? Зачем он пугает её? Возможно, просто испытывает на прочность желания. Но даже если... Даже если всё так, как он говорит. Пусть... Она столько лет ждала этого шанса. Ведь только про него все сходятся во мнении, что в своём деле он – Творец. Почти как Бог, способный сделать человека счастливым.

– Так что вы решаете?

– Я... я согласна. Я хочу, чтобы меня оперировали вы... – она торопливо подписала последний лист договора и облегчённо выдохнула, приняв для себя окончательное решение.

– Ну что ж... Завтра. Двадцать третьего мая, часов в пять-шесть вечера... – он сверился с ежедневником на столе. – Да. Я назначаю операцию на завтра. Приходите в клинику часам к восьми утра. Вас начнут готовить. Ну, и встретимся в операционной. Не переживайте. Постарайтесь хорошо отдохнуть этим вечером и выспаться. Всё будет хорошо!

Уже попрощавшись, она задержалась ещё на пару мгновений, восхищённая видом, открывшимся ей из большого окна его кабинета. На фоне пронзительной лазури майского неба качались лёгкие белые облачка. А ниже, ближе к земле, эфир воздушных расцветок обогащался насыщенными зелёными, синими, красными и жёлтыми мазками расцветшей по весне жизни.

Глава 4. Планета

Поздний вечер. Двенадцать лет спустя. Звёздное небо далёкой страны над головой. Страны-мечты для миллионов и миллионов людей со всего света, коих притягивают бесконечные возможности и богатство этого Рая на Земле. Казалось бы, зачем этой стране, у которой есть всё, что-то красть у него? И всё-таки она украла.

Он крутит в руках телефон, вновь и вновь ввинчиваясь в водоворот своих мыслей. Нет, не хочу. Зачем? Что это изменит? Экран становится ярче вслед за словами его письма к ней.

«...Знаешь, я действительно боюсь того, что в моей душе, в моей памяти связано с тобой. С одной стороны, рад, что ты там. Но с другой... Это как сказка, в которой так и неизвестно, чем всё закончилось. И закончилось ли? Пока не знаешь её финал, ведь можно придумывать любой. Какой хочется. Но если вдруг узнаешь всё, что скрыто, то от этой роскоши возможного уже не останется ничего. Не останется места для любого финала. Только для одного. Но какой он?»

...Есть такая концепция, что вся бесконечность вселенной, помноженная на миллиарды лет её существования, нужны только для того, чтобы всё, что имело хоть малейший шанс произойти, – произошло. И в этом пространстве для этого шанса нашлась бы ещё одна своя Земля и ещё одно своё отпущенное время. Я чувствую, что где-то там, есть такая планета и такое время... Где-то там... Где мы с тобой вместе.

Эту планету не разглядеть ни в один телескоп. Но я уже много лет ощущаю, как она скользит по неведомой орбите где-то в холодных глубинах бесконечного космоса. И знаю, что есть лишь одна возможность попытаться увидеть её. Посмотреть в глаза, тебе – в мои, мне – в твои. И, может быть, нам удастся рассмотреть среди совсем других мыслей и забот, среди образов окружающих нас людей и омывающих нас волн чьих-то отношений, эту маленькую, как песчинка, нашу с тобой планету...»

И всё-таки нет! Да... Нееет... Но легкое касание экрана уже делает эти строки недостижимыми. Теперь они принадлежат хитросплетениям оптоволоконных кабелей, отдалённо напоминающим переплетение их судеб. И, наверное, ещё раньше, чем он осознал свой порыв, свой свершившийся прыжок в бездну, его слова высветились на экране её телефона.

Он не знал точно, где она сейчас. Он не знал, с кем она. Знал только, что она где-то рядом. В этой стране. Чужой для них обоих. В тысячах миль от места, где они познакомились. Стране, так странно вмешавшейся в их сугубо личные отношения. И тогда – двенадцать лет назад. И сейчас, заставив его решиться.

Он ждал, сколько мог. Пока веки не налились тяжестью подступающего сна. Он ждал, что она хоть что-нибудь ответит на слова, долетевшие из их общего прошлого. Но она молчала.

Ему вдруг захотелось оправдаться. Перед собой, пред ней. За то, что он не выдержал этого негласного договора о молчании. Интуитивного согласия, к которому их привели годы и годы попыток сохранить друг для друга пусть призрачный, но шанс. Молчание, как консервант, заморозило их безответные вопросы друг к другу. Но теперь он сорвал эту печать.

«...Я написал тебе ту эсэмэску. И даже отправил. Сам удивляюсь себе... Наверное, всё дело в том, что эта страна для меня как-то неразрывно связана с тобой. Вернее, с тем, что ты уехала тогда в Америку. И уже не вернулась ко мне. Сколько бы мы потом не встречались, сколько бы не пили кофе и не ходили в кино... Ты не вернулась.

...И сейчас, спустя почти двенадцать лет, я хочу рассказать тебе историю наших отношений. Забавно, да? Ведь ты её, конечно, знаешь. Но ты не можешь знать того, как видели её мои глаза. Как живёт эта память в моей душе. Мне бы тоже хотелось посмотреть на это твоими глазами. Обещай, что согласишься на такой обмен. Обещаешь?»

Она молчала. Он ждал.

Глава 5. Анестезия

Холодный свет операционной. Стерильная прохлада кафеля. Стол, который станет ей ложем на время операции. Заботливые руки персонала, завершающего последние приготовления. И его глаза. Мудрые, всё понимающие глаза над белой хирургической маской.

– Вы готовы?

– Да...

– Не бойтесь. Всё будет хорошо. Наркоз!

Сладковатый, немного приторный привкус... Вначале прозрачный, а затем набирающий густоту туман втягивает её в сверкающий коридор, ведущий к счастью. Я смогу... Я вытерплю... Я хочу быть счастливой, даже если ради этого придется пройти через боль... Любую боль... Лишь бы потом... Потом... Потом...

Сон и явь клубились хлопьями тумана, смешиваясь причудливой разноцветной ватой.

Где сон? Где явь? Где я? Кто я? Вспышки воспоминаний. Своих? Чужих?

Тогда тоже было двадцать третье мая. Он заходит в почти заполненное горожанами майское кафе. Единственное свободное место. Напротив девушка. Светлая чёлка. Серо-голубые глаза. У него – чашка кофе. У неё – бокал вина, обвитый тонкими пальцами. Аня. Несколько первых слов. Он записывает свой номер телефона на маленькую жёлтую бумажку с липким краешком, которую она, шутя, приклеивает себе на ладошку, чтобы случайно не потерять. И её номер, который она записывает для него на точно такую же маленькую бумажку...

Она ещё чувствует происходящее вокруг. Гудение аппаратуры. Касание тела чем-то прохладным, возможно, йодными ручейками, прочерчивающими линии, по которым вскоре пройдет жало скальпеля. Но наркоз уже начинает действовать. Её сознание и ощущения становятся всё расплывчатее и отстранёнее, а вспышки видений, напротив, отчетливее и ярче.

Он позвонил ей через пару дней. Встретиться сразу не получилось. Помогает маме на даче сажать анютины глазки. Может, потому он и запомнил. Анютины... Глазки... Увиделись только через неделю. Около её института на канале Грибоедова. Она на выпускном курсе. Скоро начнутся госэкзамены. «Привет-привет...» – «А знаешь, как я любила ходить, когда была маленькая?..» – обхватила ладошкой его палец, и они пошли так, взявшись за руки, в сторону Невского.

– Наркоз? – голос хирурга долетел приглушённо.

– Ещё несколько секунд... – пожалуй, это голос анестезиолога. – Начинаю отсчёт: десять, девять, восемь...

Как-то они заглянули в ресторанчик. Примерно через пару недель после знакомства. Практически пустой зал. А может, они, и правда, были там только вдвоём. Он просто хотел сказать ей что-то про то, как ему хорошо вот так... Долго подбирал слова...

– ...семь, шесть, пять, четыре...

И сказал... Вернее, слова вырвались сами. Я люблю тебя! Сказал первый раз в их отношениях.

Она почти уже спала, с каждым вдохом наркотного тумана впуская в себя сладкую вязкость окутывающих чувств. Своих? Чужих? Может быть... его?

– ...три, два...

А потом она осталась у него. Он не хотел торопить это... Она в спальне. Он отдельно, в другой комнате. В квартире, где временно жил после того, как с одной сумкой ушёл из дома, из семьи, в ночь на свой тридцать четвертый день рождения. Потому что уже больнее было оставаться, чем уйти.

Она позвала его. Что-то попросила. Кажется, дать какую-нибудь рубашку, чтобы она могла в ней спать. Он принёс, и они остались вдвоём. Он почти не спал в эту ночь. Под утро она шептала – всё-всё-всё... А ему было никак не напиться ею...

Днём их разлучили дела, а ближе к вечеру она прислала ему эсэмэску: «Я весь день пахну тобой...». И его сердце задохнулось от счастья и выпорхнуло из груди, устремившись к ней.

Она тоже выпорхнула из операционной, легко пройдя сквозь ткань простыней и кафельные стены. Перед ней простирались изумрудные луга прекрасной земли, лежащей где-то очень далеко от того места, где холодный скальпель уже наметил место для своего первого поцелуя.

– Есть наркоз! Можно начинать.

– Начали.

Первый надрез, быстрый и выверенный, оставил вначале лишь тонюсенькую алую полоску на её теле. Ещё не покрывшуюся каплями красной росы... Ещё не расцветшую скрытой под кожей болью.

Глава 6. Творец

Его руки знали своё дело. Опыт. Много-много лет. Иногда ему казалось, что он оперирует столько, сколько существует этот мир. А может, так оно и было. Странная работа. Причинять боль, чтобы делать счастливыми. Творить их судьбы, чтобы научить добывать любовь из кристалликов боли.

Сам он сострадал и любил их всех. Он был готов забрать всю эту боль себе. Но не мог, ради их же блага. Как не мог сам для себя ответить на вопрос – зачем? Зачем они добровольно ложатся под его нож, когда могли бы просто оставаться собой. Какие райские кущи и изумрудные луга должны видаться им там, за пределами этой стерильной операционной, чтобы вот так, настойчиво и упрямо, идти к ним через его скальпель?

Всё, чем он мог облегчить их страдания, так это быть по-хирургически точным и экономным. Ни одного лишнего движения. Ни одной ненужной капли боли. И всё-таки совсем избавить их от страданий было не в его силах.

Вначале она не почувствовала почти ничего. Наркоз защищал её. Ощутила лишь легкий нажим невидимой руки, обозначивший место вскрытой плоти. *Впрочем, как и он, опьяненный любовным дурманом, не чувствовал и не обращал внимания на мелкие царапины от шипов невообразимо прекрасных роз, цветущих в его душе.*

Когда, наконец, она сдала выпускные экзамены и получила диплом, то ушли вполне понятные, объяснимые, причины, слишком часто в первый месяц их знакомства отнимавшие её у него. Причины ушли, но она почему-то всё равно продолжала ускользать. По каким-то делам. По семейным обязанностям перед мамой и папой. По необходимости куда-то подвозить каких-то родственников или развлекать по вечерам их малолетних отпрысков. Её телефон звонил слишком часто, и она слишком часто покидала его после этих звонков. Ускользала...

Как весенний утренний ветерок. Как горизонт. Вот он – горизонт, виден. Вот понятно же, куда надо идти, чтобы приблизиться к нему. Вот ты идёшь... А он всё также видим и далёк.

И в этом чувствовалась какая-то её осторожность по отношению к нему. Или отстранённость. Или... И смутная тревога легкой, почти прозрачной тенью накрыла солнечную долину в его душе.

– Ещё разрез. Фиксируйте. Зажим!

Он попытался напрямую спросить у неё про то, есть ли причины для его беспокойства. Она не стала искать отговорки и честно призналась, что слишком неожиданной для неё оказалась его правда про ещё недавнюю семью. И добавила, что знает, что мужчина всё равно вернётся к своей жене и детям. И что это очень больно. А он подумал, что либо она раньше обожглась на таких отношениях, либо в свои неполные двадцать два года она вряд ли может знать, что бывает и совсем по-другому.

А ещё она рассказала, что до встречи с ним у неё был один человек. Старше её. Примерно его возраста. Этот человек стал для неё первой любовью, а взамен причинил ей много боли и обид. И даже когда они расстались, он продолжал напоминать ей о своем существовании. Она не хотела вспоминать и говорить о нём. Лишь добавила, что теперь она, наконец, вздохнула без него спокойно. А ещё сказала, что очень рада, что тогда, в майском кафе, в её жизни появился ты.

Она едва заметно вздрогнула всем телом, укрытым сверкающей белой простыней и окутанным разноцветными проводами и датчиками. Сознание ещё было под властью обезболивающего тумана, но тело уже начинало что-то ощущать, бессознательно реагируя на тревожные сигналы.

Он упивался этими отношениями. Цедил и смаковал их маленькими глоточками, вспоминая и узнавая заново давно забытое ощущение тепла, даримого любимой женщиной. Льды, намороженные в его душе за несколько предыдущих лет мучительного расставания, готовы были вот-вот растечься весёлыми весенними ручейками по изумрудным лугам простого человеческого счастья.

Растягивая удовольствие, в которое тогда превращались не только встречи с ней, но даже ожидание этих встреч, он часто приезжал в уговоренное место задолго до неё. Ему нравилось провести эти минуты, а иногда и часы, качаясь на волнах своего предвкушения. Как и в тот раз, когда он, заказав чашку капучино, сидел в кафешке, в двух шагах от назначенного места свидания, чтобы следующую чашку кофе выпить уже вместе с ней. Она только что написала, что немного опоздает, подарив ему тем самым ещё минут двадцать купания в мечтах.

Улыбка не сходила с его лица. А взгляд был устремлён куда-то в никуда, в пространство за стенами и временем. Ему было абсолютно неважно, куда смотрели его глаза, так как видел он лишь разноцветные сияющие облака, плывущие в его душе над изумрудными лугами нежной травы, по которым он шёл в сторону восходящего солнца.

И всё-таки глаза увидели... Забавно, подумал он. Эти туфельки... Почти как у неё... И молодёжные светло-голубые джинсы, по-модному, как бы случайно, порванные на коленках. Тоже, как у неё. И...

Это была она. За столиком с каким-то парнем. Спина к нему. Чуть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Он не смог ни вспомнить, ни понять, как они одновременно оказались в этом кафе. То ли он, поглощённый своими мыслями, не заметил, когда они вошли. То ли сам, не видя никого вокруг, прошёл в шаге от их столика. Сколько времени они с ней находились вот так – на краю обрыва только-только начавшихся отношений – он тоже не знал.

Видела ли она его? Знает ли, что он сейчас смотрит на них? Подойти поздороваться и обречь себя и её на неловкую сцену «что бы это значило»? Нет. Не так. Через каких-то двадцать минут она должна будет ему позвонить и сказать, что уже приехала на свидание. И он решил, что дождетя этого звонка и вот тогда позволит себе задать свой вопрос. Встал и ушёл, оставив на столике едва тронутую чашку кофе и надеясь, что ничем не выдал себя.

Если бы только он заранее знал, какие это будут жуткие, бесконечные двадцать минут его жизни и сколько сил потребуется, чтобы, встретив её, просто не сказать, что всё закончено... Он бы, наверное, предпочёл подойти к ней сразу, в этом кафе. Но он не знал.

Она вскрикнула от острой и неожиданной боли, молнией распоровшей бирюзовое небо над изумрудными лугами. В резком неоновом свете, пронзившем всё пространство вокруг неё, нежная зелёная луговая трава неожиданно стала фиолетово-чёрной, а тени, отброшенные гибкими стеблями, ошетилили землю тысячами игл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.